

Idiomaticity of a Text as a Matter of the Individual Style: A Quantitative Approach

A.N. Baranov

Russian Language Institute of RAS /
Moscow, Volkhonka 18/2
Baranov_anatoly@hotmail.com

D.O. Dobrovol'skij

Russian Language Institute of RAS /
Moscow, Volkhonka 18/2
Institute of Linguistics / Moscow,
B. Kislovskiy 1
Stockholm University / 10691
Stockholm Sweden
dobrovol'skij@gmail.com

Abstract

The paper suggests one of the ways to formally define the degree of idiomaticity of a given text. Text idiomaticity is understood as the density of the use of idioms per text unit. The assessment of the degree of idiomaticity is carried out in the proposed approach as the ratio of the total number of idioms to the volume of the text in which they met. The conducted corpus experiment allows us to conclude that the degree of idiomaticity of the most important representatives of the prose of the second half of the 19th century varies significantly. Thus, the degree of idiomaticity of the text turns out to be an essential factor of the individual style.

Keywords: the degree of idiomaticity; idioms; individual style; quantitative methods of analysis

DOI: 10.28995/2075-7182-2021-20-58-67

Об одном подходе к количественной оценке идиоматичности текста как характеристике авторского стиля

А.Н. Баранов

Институт русского языка РАН /
Москва, Волхонка 18/2
Baranov_anatoly@hotmail.com

Д.О. Добровольский

Институт русского языка РАН /
Москва, Волхонка 18/2
Институт языкознания РАН / Москва,
Большой Кисловский 1
Стокгольмский университет / 10691
Стокгольм
dobrovol'skij@gmail.com

Аннотация

В докладе предлагается один из способов формального определения идиоматичности – той части этого феномена, которая связана с функционированием идиом. Оценка степени идиоматичности осуществляется в предлагаемом подходе как отношение общего количества идиом к объему текста, в котором они встретились. Проведенный корпусный эксперимент позволяет сделать вывод, что степень идиоматичности важнейших представителей художественной прозы второй половины XIX века варьирует в существенных пределах. Тем самым, идиоматичность текста оказывается существенным стилиобразующим фактором.

Ключевые слова: степень идиоматичности; идиоматика; индивидуальный стиль; количественные методы анализа

1 Феномен идиоматичности и возможности его формализации

Феномен идиоматичности, понимаемый как нестандартный способ сочетания смыслов, распространяется на весь язык. Тем самым в языке широко представлены идиоматичные формы (например, некомпозиционные сочетания морфем, метафоры, метонимические сдвиги нерегулярного характера и пр.) [Makkai 1978; Баранов, Добровольский 2013: 44–62]. Однако формализация феномена идиоматичности, представление его в объективной (количественной) форме, допускающей независимую проверку, в настоящее время невозможно. Да и в будущем – вряд ли, поскольку в этом случае потребуются разработку качественных критериев («весов»), которые позволят сравнивать и оценивать идиоматичность, возникающую за счет разных видов отклонения от регулярности (ср., например, речевые акты в несобственных употреблениях и грамматические формы русского императива, не передающие побуждения – *Знай я, чем это кончится, никогда бы не согласился в этом участвовать*).

Еще более широкое понимание идиоматичности представлено в [Апресян 1995], где идиоматичность связывается с выполнением сложившихся в данном языке норм: «идиоматично, т. е. в соответствии со сложившимися в данном языке и подчас трудно мотивируемыми нормами синтаксической, семантической и лексической сочетаемости» [Апресян 1995: 11]. Среди названных Ю.Д. Апресяном факторов к идиоматичности в нашем понимании относится только выполнение «трудно мотивируемых норм», в частности, следование правилам лексической сочетаемости, не выводящимся из толкования (или не описываемым в терминах семантических классов), то есть не мотивируемым семантически. Количественная оценка такого понимания идиоматичности также вряд ли возможна.

Значительная часть идиоматичности реализуется за счет употребления идиом (об идиомах см. [Баранов, Добровольский 2013: 69–72; 2020б]). Идиоматичность идиом более гомогенна и поддается объективизации.

Таким образом, термин «идиоматичность» здесь используется в более узком смысле как характеристика использования именно идиом. Отметим, что категория идиоматичности даже при таком сужении дает важную информацию об индивидуальном стиле автора, позволяя сравнивать практики употребления идиом у разных носителей языка. Нас будет интересовать идиоматичность (в указанном смысле) текстов Достоевского и ряда его современников – Толстого, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Тургенева. Особенности стиля указанных авторов находятся в центре исследовательского проекта по выявлению формальных характеристик авторского стиля (см. по этому поводу [Баранов, Добровольский 2018; 2019]).

Следует, однако, иметь в виду, что параметр идиоматичности сам по себе недостаточен для отождествления стиля автора, хотя в совокупности с другими речевыми особенностями может дать важную информацию об авторстве. Возможности использования параметра идиоматичности в стилиметрии в данной работе не обсуждаются.

Естественно вычислять индекс идиоматичности, характеризующий плотность употребления идиом в тексте, как соотношение количества идиом в данном фрагменте текста к общему количеству содержащихся в нем знаков. Вычисление индекса идиоматичности предполагает проведение эксперимента с текстами Достоевского и его современников. До проведения эксперимента нам казалось, что наиболее идиоматичны в своих произведениях Достоевский и Салтыков-Щедрин. В наименьшей степени идиоматика присутствует в прозе Л.Н. Толстого. Интересно было проверить, насколько наша интуиция соответствует объективным данным.

Эксперимент включал в себя несколько этапов. На первом этапе были отобраны фрагменты произведений указанных авторов. Каждый фрагмент включал порядка 60 тыс. знаков. Если у кого-то автора в исследование попадал существенно больший фрагмент, то это компенсировалось в последующем за счет меньшего объема фрагментов других произведений.

В основном мы ориентировались на крупные романы. Кроме того, по личным предпочтениям выбирались отдельные произведения малой прозы, которые иногда брались целиком. Причем во всех случаях мы ориентировались на такие фрагменты, где присутствуют диалоги персонажей. Достоевский представлен в большем объеме, чем другие авторы. Это объясняется тем, что основная цель проекта заключается в изучении идиостиля именно этого автора. В связи с этим было важно учесть его главные романы – «Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот», «Братья Карамазовы» и «Подросток», – а также малую прозу. Как примеры малой прозы мы выбрали «Село

Степанчиково и его обитатели» и «Дядюшкин сон» из-за того, что они диалогичны: разговоры персонажей занимают большое место в текстах этих произведений.

Л.Н. Толстой представлен в проводившемся эксперименте романами «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресенье». Малая проза – «Смерть Ивана Ильича» (полностью) и «Дьявол» (полностью).

Из произведений И.С. Тургенева взяты романы «Отцы и дети», «Накануне», «Новь», из малой прозы – повесть «Вешние воды», рассказ «Степной король Лир» (полностью).

И.А. Гончаров представлен романами «Обрыв», «Обломов», «Обыкновенная история», путевыми очерками «Фрегат Паллада» и повестью «Счастливая ошибка».

Из корпуса текстов М.Е. Салтыкова-Щедрина были выбраны фрагменты романов «Господа Головлевы», «Пошехонская старина», «История одного города» и фрагменты рассказов, объединенных в циклы «Сказки» и «Помпадурсы и помпадурши».

В каждом выбранном фрагменте отмечались вхождения всех идиом, вне зависимости от их модификаций и характера их использования. Не учитывались коллокации (*предложить вопрос, положить резолюцию*), пословицы (*близок локоть, да не укусишь; даром-то и прыщ на носу не вскочит; гром не грянет, мужик не перекрестится*), грамматические фразеологизмы типа *стало быть, по крайней мере*. Подробнее о типах фразеологизмов и правилах их выделения см. [Баранов, Добровольский 2013: 67–98]¹.

2 Частотное распределение употребления идиом по авторам

Рассмотрим последовательно частоту употребления идиом выбранных авторов, ориентируясь на фрагменты, выделенные для эксперимента. Начнем с произведений Тургенева и Гончарова, поскольку, как будет показано ниже, они демонстрируют близкие характеристики частотности в отношении идиоматики. Далее проанализируем полученные результаты по текстам Л.Н. Толстого, а завершим изложение двумя наиболее «идиоматичными» авторами – Салтыковым-Щедриным и Достоевским.

Как уже отмечалось выше, при выборе фрагментов для проведения эксперимента отдавалось предпочтение диалогам персонажей. Так, во фрагменте из романа «Отцы и дети» было выявлено 53 контекста употребления идиом. Например, в разговоре с Аркадием Николай Петрович использует идиому *на славу*:

- (1) – Теперь уж недалеко, – заметил Николай Петрович, – вот стоит только на эту горку подняться, и дом будет виден. Мы заживем с тобой *на славу*, Аркаша; ты мне помогать будешь по хозяйству, если только это тебе не наскутит. [И.С. Тургенев. Отцы и дети]

Это, однако, не означает, что идиомы в словах автора не учитывались. В том же фрагменте идиомы встречаются и в речи автора:

- (2) Он без нужды растягивал свою речь, избегал слова «папаша» и даже раз заменил его словом «отец», произнесенным, правда, *сквозь зубы*; с излишнею развязностью налил себе в стакан гораздо больше вина, чем самому хотелось, и выпил все вино. Прокофийч *не спускал* с него *глаз* и только губами пожевывал. [И.С. Тургенев. Отцы и дети]

Общее количество идиом и их распределение по фрагментам отдельных произведений приводится ниже в таблице 1.

¹ Словник идиом XX и начала XXI века представлен в «Тезаурусе русских идиом: семантические группы и контексты» [Тезаурус 2018]. В эксперименте учитывались также идиомы, представленные в русской классической литературе XIX века, подтвержденные материалом Национального корпуса русского языка.

Произведение	Абсолютная частота	Относительная частота ²
Накануне	41 (56851) ³	0,72
Новь	53 (54440)	0,97
Вешние воды	19 (47794)	0,4
Отцы и дети	53 (64357)	0,82
Степной король Лир	148 (136223)	1,09
Общее количество	314 (359665)	0,87

Таблица 1: Идиоматика И.С. Тургенева по данным эксперимента

Наибольшее значение индекса идиоматичности приходится на рассказ «Степной король Лир», что неудивительно: серьезный конфликт между персонажами стимулирует активное употребление идиом – даже не обязательно конфликтной семантики. Ср., например:

- (3) – И как он мне сказал, ваш-то Володька, – с новой силой подхватил Харлов, – как сказал он мне, что мне в моей горенке больше не жить, а я в самой той горенке каждое бревнышко собственными руками клал – как сказал он мне это – и *бог знает*, что со мной приключилось! В головушке помутилось, *по сердцу как ножом*... Ну, либо его зарезать, либо из дому вон!.. Вот я и побежал к вам, благодетельница моя, Наталья Николаевна... И куды ж мне было *голову приклонить*? [И.С. Тургенев. Степной король Лир]

Внутренний конфликт присутствует и в повести «Вешние воды», однако он не проявляется в явном виде в прямой речи персонажей. Меньшая эмоциональность дискурса снижает частоту употребления идиоматики.

Частотные характеристики идиом в произведениях Гончарова близки соответствующим характеристикам в текстах Тургенева; см. таблицу 2.

Произведение	Абсолютная частота	Относительная частота
Счастливая ошибка	64 (61495)	1,04
Фрегат Паллада	30 (60020)	0,5
Обыкновенная история	106 (59434)	1,78
Обрыв	53 (59991)	0,88
Обломов	76 (58735)	1,29
Общее количество	329 (299675)	1,10

Таблица 2: Идиоматика И.А. Гончарова по данным эксперимента

Из приведенной таблицы видно, что чаще всего идиомы употребляются в проанализированном фрагменте из романа «Обыкновенная история». Можно предположить, что это связано с особенностями речи конкретного персонажа, участвующего в диалогах выбранного фрагмента:

- (4) – Ну, сядь, сядь! – отвечала она, наскоро утирая слезы, – мне еще много осталось поговорить... Что бишь я хотела сказать? *из ума вон*... Вишь, нынче какая память у меня... да! блюда посты, мой друг: это великое дело! В среду и пятницу – *бог простит*; а в великий пост – *боже оборони*! Вот Михайло Михайлыч и умным человеком считается, а что в нем? Что мясоед, что страстная неделя – все одно жрет. Даже *волос дыбом становится*! Он вон и бедным помогает, да будто его милостыня принята господом? Слышь, подал раз старику красненькую, тот взял ее, а сам отвернулся да плюнул. Все кланяются ему и *в глаза-то бог знает что* наговорят, а *за глаза* крестятся, как поминают его, словно шайтана какого. <...> – Береги пуще всего здоровье, – продолжала она. – Как заболеешь – чего *боже оборони*! – опасно, напиши... я соберу все силы и приеду. Кому там ходить за тобой? Норовят еще обобрать больного. Не ходи ночью по улицам; от людей зверского

² На 1000 знаков текста.

³ В скобках указывается объем фрагмента в знаках.

вида удаляйся. Береги деньги... ох, береги *на черный день*! Трать с толком. От них, проклятых, всякое добро и всякое зло. Не мотай, не заводи лишних прихотей. Ты будешь аккуратно получать от меня две тысячи пятьсот рублей в год. Две тысячи пятьсот рублей *не шутка*. Не заводи роскоши никакой, ничего такого, но и не отказывай себе в чем можно; захочется полакомиться – не скупись. – Не предавайся вину – ох, оно первый враг чело- века! – Да еще (тут она понизила голос) берегись женщин! Знаю я их! Есть такие бесстыдницы, что сами *на шею будут вешаться*, как увидят этакого-то... [И.А. Гончаров. Обыкновенная история]

В примере (4) представлен дискурс наставления: Анна Павловна Адуева, речь которой образна и передает высокую степень эмпатии, провожает в дорогу своего сына Александра.

В противоположность роману «Обыкновенная история», путевые заметки «Фрегат Паллада» по жанру не предполагают воспроизведение живой речи, что отражается на использовании идиом.

Как показал эксперимент, наименее идиоматичны тексты Л.Н. Толстого, причем распределе- ние частот по разным проанализированным произведениям оказывается близким; ср. таблицу 3.

Произведение	Абсолютная частота	Относительная частота
Воскресенье	14 (41966)	0,33
Дьявол	40 (80325)	0,5
Смерть Ивана Ильича	44 (108464)	0,41
Война и мир	36 (60718)	0,59
Анна Каренина	21 (60271)	0,35
Общее количество	155 (351744)	0,44

Таблица 3: Идиоматика Л.Н. Толстого по данным эксперимента

В целом полученные данные соответствуют интуитивным представлениям об использовании идиоматики Толстым. Это не означает, что произведения Толстого неидиоматичны, но идиоматичность может обеспечиваться за счет других средств передачи нерегулярной семантики. Анализ выбранных фрагментов показывает, что совместная дискурсивная встречаемость идиом (то есть в репликах персонажей, объединенных одним коммуникативным ходом) – весьма редкое явление. Приведем, однако, пример такого рода:

- (5) – Ну, ну, хорошо! – сказал старый граф, – все горячится. Все Бонапарте всем *голову вскружил*; все думают, как это он из поручиков попал в императоры. Что ж, *дай бог*, – прибавил он, не замечая насмешливой улыбки гостя. [Л.Н. Толстой. Война и мир]

В пример (5) идиомы *вскружить голову* и *дай бог* относятся к нейтральному стилю, и это очень характерно для практик использования идиом в текстах Толстого.

В отличие от Толстого (и даже Гончарова и Тургенева), Салтыков-Щедрин широко использует идиоматику, что и проявляется в индексе идиоматичности, см. таблицу 4.

Произведение	Абсолютная частота	Относительная частота
Сказки	141 (58888)	2,39
Помпадурсы и помпадурши	57 (65632)	0,87
История одного города	63 (61503)	1,02
Пошехонская старина	104 (62297)	1,67
Господа Головлевы	112 (66030)	1,7
Общее количество	477 (314350)	1,52

Таблица 4: Идиоматика М.Е. Салтыкова-Щедрина по данным эксперимента

Из таблицы 4 следует, что индекс идиоматичности у Салтыкова-Щедрина оказывается самым высоким по сравнению с уже рассмотренными авторами. Наибольшей величины он достигает в

текстах «Сказок» – 2,39. Полученное значение индекса идиоматичности отвечает интуиции, поскольку речь рассказчика и персонажей произведений Салтыкова-Щедрина содержит много идиом различной стилистической направленности:

- (6) *Понурил* Ловец *голову*, потому что знал, что Ловчихино слово твердое. Снял он с себя пальто – и вдруг словно преобразился совсем! Так как совесть осталась, вместе с пальто, на стенке, то сделалось ему опять и легко, и свободно, и стало опять казаться, что *на свете* нет ничего чужого, а всё его. И почувствовал он вновь в себе способность глотать и загребать. – Ну, теперь вы у меня не отвертитесь, дружки! – сказал Ловец, *потирая руки*, и стал поспешно надевать на себя пальто, чтоб *на всех парусах* лететь на базар. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Пропала совесть]

В приведенном примере обнаруживаются и литературные идиомы (*понурить голову*, *на всех парусах*), и нейтральные (*на свете*), и разговорные (*потирать руки*). Такое распределение до известной степени объясняется тем, что в примере (6) присутствует как авторская речь, так и речь персонажа.

В иных случаях последовательность идиом оказывается стилистически более однородной, ср. (7):

- (7) – Ну, делай как знаешь! В Головлеве так в Головлеве ему жить! – наконец, сказала она, – окружил ты меня кругом! опутал! начал с того: как вам, маменька, будет угодно! а под конец заставил-таки меня *под свою дудку плясать*! Ну, только слушай ты меня! Ненавистник он мне, всю жизнь он меня *казнил да позорил*, а наконец и над родительским благословением моим надругался, а все-таки, если ты его *за порог выгонишь* или *в люди заставишь идти* – нет тебе моего благословения! Нет, нет и нет! Ступайте теперь оба к нему! чай, он и *буркалы-то свои проглядел*, вас высматриваючи! [М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы]

Идиомы *плясать под чью-либо дудку*, *казнить да позорить*⁴, *выгнать за порог*, *в люди*, скорее, относятся к разговорным, а *проглядеть буркалы* – к просторечным. Сходные по концентрированности идиом в речи и по стилистическим характеристикам примеры встречаются и в других произведениях Салтыкова-Щедрина:

- (8) – Ишь печальник нашелся! – продолжает поучать Анна Павловна, – уж не *на все ли четыре стороны* тебя отпустить? *Сделай милость*, воруи, голубчик, поджигай, грабь! Вот уж в городе тебе покажут... *Скажите на милость*! целое утро словно в котле кипела, только что отдохнуть собралась – *не тут-то было*! солдата *нелегкая принесла*, с ним валандаться изволь! *Прочь с моих глаз...* поганец! Уведите его да накормите, а не то еще издохнет, *чего доброго*! А часам к девяти приготовить подводу – и *с богом*! [М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина]

Такие случаи характерны для прямой речи персонажей, наделенных яркой речевой индивидуальностью.

Достоевский по дискурсивным практикам использования идиом близок Салтыкову-Щедрину; ср. таблицу 5.

⁴ Форма *казнить [да/и] позорить* была употребительной как идиома в XIX в. По данным НКРЯ встречается также в произведениях Т.Г. Шевченко и М.Н. Загоскина.

Произведение	Абсолютная частота	Относительная частота
Подросток	78 (61657)	1,27
Идиот	96 (64746)	1,48
Дядюшкин сон	103 (61598)	1,67
Село Степанчиково и его обитатели	137 (64869)	2,11
Бесы	79 (64262)	1,23
Преступление и наказание	91 (61597)	1,48
Братья Карамазовы	67 (62609)	1,07
Общее количество	651 (441338)	1,48

Таблица 5: Идиоматика Ф.М. Достоевского по данным эксперимента

Как видно из таблицы 5, индекс идиоматичности текстов Достоевского достаточно велик. Вместе с Салтыковым-Щедриным они образуют «лидерскую группу». И по многим другим лингвистическим характеристикам индивидуальные стили этих авторов оказываются близкими, ср. в частности употребление дискурсивных слов [Баранов, Добровольский 2020a].

Наиболее идиоматичной оказывается повесть «Село Степанчиково и его обитатели», индекс идиоматичности которой превышает 2. Это проявляется в частности в том, что в коммуникативном ходе одного персонажа может использоваться значительное количество идиом, ср. (9):

- (9) – Да, сударь, я вам такое могу рассказать, что вы только *рот разинете* да так и останетесь *до второго пришествия с разинутым ртом*. Ведь я прежде и сам его уважал. Вы что думаете? Каюсь, открыто каюсь: был дураком! Ведь он и меня обморочил. Всезнай! *Всю подноготную знает*, все науки произошел! Капель он мне давал: ведь я, батюшка, человек больной, сырой человек. Вы, может, не верите, а я больной. Ну, так я с его капель-то чуть *вверх тормашки* не полетел. Вы только молчите да слушайте; сами поедете, всем полюбуетесь. Ведь он там полковника-то *до кровавых слез доведет*; ведь *кровоавую слезу прольет* от него полковник-то, да уж поздно будет. <...> Я, дескать, ученый. Да что ж, что ученый! Так из-за того, что ученый, уж так непременно и надо заесть неученого?.. И уж как начнет ученым своим *языком колотить*, так уж та-та-та! та-та-та! <...> Зазнался, *надулся как мышь на крупу!* Ведь уж туда теперь лезет, *куда и голова его не пролезет*⁵. Да чего! Ведь он там дворовых людей по-французски учить выдумал! <...> Небось, и вы по-французски: «та-та-та! та-та-та! *вышла кошка за котом!*» – прибавил Бахчеев, смотря на меня с презрительным негодованием. [Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели]

Конечно, не следует думать, что все персонажи повести столь идиоматичны – в приведенном примере это, разумеется, часть речевого портрета героя.

Персонажи произведений Достоевского не просто используют идиомы, но и обмениваются ими в репликах, ср. характерный пример:

- (10) – С наступающим днем! Да ты смотри, сколько дня-то ушло, человек несообразный! – *Ври, Емеля, – твоя неделя!* – По-нашему, *хоть на час, да вскачь!* [Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели]

Помещик Васильев репликой *ври, Емеля, – твоя неделя* выражает свое недоверие к сообщению о том, что он проспал почти весь день. В ответной реплике *по-нашему, хоть на час, да вскачь* обращается внимание на причину столь долгого сна – сильное опьянение.

Проведенный комплекс замеров указывает на то, что наименее идиоматичен текст романа «Братья Карамазовы». Не исключено, что это связано с выбором одного фрагмента из довольно большого литературного произведения. Однако и в «Братьях Карамазовых» встречаются реплики, с концентрированным употреблением идиом:

⁵ Встречается в XIX в. как идиома, например, у А.П. Чехова.

- (11) – Совершенно *как дома*? То есть в *натуральном-то виде*? О, этого много, слишком много, но – с умилением принимаю! Знаете, благословенный отец, вы меня на *натуральный-то вид* не вызывайте, не рискуйте... до *натурального вида* я и сам не дойду. Это я, чтобы вас охранить, предупреждаю. [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы]

Федор Павлович в ответ на предложение старца Зосимы чувствовать себя как дома провокационно интерпретирует эту идиому как санкцию на неприличное поведение, эвфемистически называя его *натуральным видом*. Эта идиома довольно часто встречается в текстах XIX века, обозначая в основном голого человека. Федор Павлович употребляет ее явно расширительно.

3 Варьирование индекса идиоматичности по исследуемым авторам

Выявленные значения индекса идиоматичности у исследованных авторов представлены в таблице 6 и графике 1.

Авторы	Значение индекса идиоматичности
Л.Н. Толстой	0,44
И.С. Тургенев	0,87
И.А. Гончаров	1,10
Ф.М. Достоевский	1,48
М.Е. Салтыков-Щедрин	1,52

Таблица 6: Распределение значений индекса идиоматичности

График 1: Графическое представление индекса идиоматичности

Из приведенной таблицы и графика хорошо видно, что Достоевский и Салтыков-Щедрин очень близки по степени идиоматичности (в указанном понимании) и существенно превосходят по этому параметру всех остальных исследованных авторов. В то же время тексты Толстого отличаются наименьшей идиоматичностью. Остальные два автора – Тургенев и Гончаров, – хотя и отличаются друг от друга, но не столь сильно, как они вместе от Толстого, с одной стороны, и от Достоевского и Салтыкова-Щедрина – с другой.

4 Заключение

Технология подсчета индекса идиоматичности, выбранная в данном эксперименте, далеко не идеальна. К ней легко можно предъявить претензии. Действительно, по приведенным данным видно,

что индекс идиоматичности варьирует не только от автора к автору, но и внутри текстов каждого автора от одного произведения к другому, причем степень варьирования оказывается весьма значительной – более, чем в два раза. Единственный писатель, индекс идиоматичности которого не обнаруживает большое отклонение от произведения к произведению – это Л.Н. Толстой. Конечно, это зависит от выбора фрагмента для подсчета идиом, но в то же время это определяется и жанром текста, теми художественными задачами, которые ставит перед собой писатель в данном произведении, и даже составом персонажей.

При всех ограничениях выбранного способа подсчета идиоматичности окончательный результат оказался весьма правдоподобным, что объясняется выбором для анализа нескольких важных для конкретного автора произведений. Действительно, стиль Толстого не оставляет места для широкого использования идиом – даже в тех случаях, когда идет эмоционально насыщенный диалог персонажей, они редко используют разговорную идиоматику. С другой стороны, и Салтыков-Щедрин и Достоевский нагружают реплики героев идиомами, сознательно прибегая к такому художественному средству выражения смысла. Анализ «Записных книжек» Достоевского, не рассматриваемых в данной работе, показывает, что он последовательно фиксировал услышанные идиомы живой речи и вкладывал их в уста персонажей. Тургенев и Гончаров явно более идиоматичны, чем Толстой, но идиоматику в их произведениях нельзя рассматривать как характерный художественный прием.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта по гранту РФФИ № 18-012-90025. Авторы благодарят фонд за поддержку.

References

- [1] Апресян Ю.Д. Selected Writings [Избранные труды] — Vol. 1: Lexical Semantics [Лексическая семантика] — Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1995.
- [2] Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. Fundamentals of Phraseology [] — Moscow: Flinta, Nauka, 2013.
- [3] Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. (2018), *Kstati* and *nekstati*: on Dostoevsky's discourse practices [*Kstati i nekstati: k rechevym praktikam Dostoyevskogo*] — *Russkiy yazyk v nauchnom osvещenii*, 2018. — No. 1 (35). — P. 33–45.
- [4] Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. (2019), Discursive words in corpus dimension: *odnim slovom* in the works of Dostoevsky and his contemporaries [Diskursivnyye slova v korpusnom izmerenii: *odnim slovom* u Dostoyevskogo i yego sovremennikov], Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2019” [Komp'yuternaya Lingvistika i Intellektual'nye Tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoy Konferentsii “Dialog 2019”], Moscow, pp. 41–52.
- [5] Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. (2020a), Style dynamics of the Russian written speech of the 19th century: a corpus study [Dinamika stilya russkoy pis'mennoy rechi XIX veka: korpusnyy eksperiment], Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2020” [Komp'yuternaya Lingvistika i Intellektual'nye Tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoy Konferentsii “Dialog 2020”], Moscow, pp. 48–61.
- [6] Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. (2020b), Idiom [Idioma], *Russkiy yazyk*. — Moscow: Ast-Press, 2020. — pp. 197–198.
- [7] Makkai Adam. Idiomatichity as a language universal // Greenberg J.H. (ed.) *Universals of human language*. Stanford, 1978.

Литература

- [1] Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 1995.
- [2] Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс). М.: Флинта, Наука, 2013.
- [3] Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (2018), *Кстати* и *некстати*: к речевым практикам Достоевского — *Русский язык в научном освещении*, 2018. — № 1 (35). — С. 33–45.
- [4] Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (2019), Дискурсивные слова в корпусном измерении: *одним словом* у Достоевского и его современников // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции «Диалог». 2019. Выпуск 18 (25). М., 2019. — С. 41–52.

- [5] Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (2020а), Динамика стиля русской письменной речи XIX века: корпусный эксперимент // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции «Диалог». 2020. Выпуск 19 (26). М., 2020. — С. 48–61.
- [6] Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (2020б), Идиома // Русский язык: Энциклопедия / ИРЯ РАН; Под общ. ред. А.М. Молдована. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Аст-Пресс Школа, 2020. — С. 197–198.
- [7] Тезаурус 2018 — Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Лексрус, 2018.
- [8] Makkai Adam. Idiomaticity as a language universal // Greenberg J.H. (ed.) Universals of human language. Stanford, 1978.